
ПОМОРСКАЯ
БЫЛЬ ВЫКАТ
ИРИНА БОДЯКШИНА

Ирина Бодякшина

Поморская быль. Выкат

https://litres.ru/74858723
SelfPub; 2026

Аннотация

Три недели каждый вечер у Гриши тридцать семь и шесть. Утром - норма, и он бежит в школу, как ни в чём не бывало. Врачи разводят руками: «Всё в пределах нормы». А мальчик шепчет в стену и однажды отвечает матери: «Это не ты».

Отчаявшаяся Ольга везёт сына за три часа от города, к женщине, о которой знает только то, что она «врать не станет». Прасковья Фоминична не заговаривает и не колдует. Она парит ребёнка травами и катает по его животу обычное яйцо из «Пятёрочки». А потом разбивает его в стакан с водой - и то, что Ольга увидит в стакане, заставит её вспомнить то, о чём она молчала восемь лет.

Четыре страницы, лежащие в ящике стола. Письмо, которое так и не было прочитано на могиле. Недосказанное не лежит мёртвым грузом - оно живёт в доме. И донашивается тем, кто меньше всех виноват.

Поморская быль о цене недосказанных слов и о том, что лечится не только у врача.

Содержание

Поморская быль. Выкат 5
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Ирина Бодякшина
Поморская быль. Выкат

Название: Поморская быль. Выкат
Автор(-ы): Ирина Бодякшина
Ссылка: https://author.today/work/689776

Поморская быль. Выкат

Ольга заметила, что сын смотрит в угол, ещё до лихорадки.Не испуганно - как взрослые смотрят, когда вспоминают: на секунду, и отворачиваются, будто ничего не было. Сначала она списала это на усталость: второй класс, бассейн, октябрь. Потом пришла температура. Ровно тридцать семь и шесть - каждый вечер, к семи. Утром норма, и Гриша бежит в школу, как ни в чём не бывало.Педиатр посмотрел поверх очков:- Мама, всё в переделах нормы. Наблюдайте.Слово «переделах» она запомнила. Она работала в страховой и в каждом разговоре слышала формулировки, которыми прикрываются.К третьей неделе мальчик стал говорить с кем-то шёпотом. Не бормотал в бреду - именно говорил. Ольга подходила, и он замолкал, как замолкают, когда входит родитель, а разговор был личный.- С кем ты говоришь?- Это не ты, - ответил он один раз и отвернулся лицом к стене.Она стояла на кухне с чашкой и не могла вспомнить, зачем пришла. Внутри поднялось то чувство, которое она знала с детства: тонкое, холодное, как проволока под кожей. Чувство, которое говорило: это не медицина.Свекровь позвонила в четверг - по даче, по картошке. Ольга выдержала три минуты вежливости и сорвалась. Сказала всё: три недели, тридцать семь и шесть, шепчет в стену, анализы чистые, я боюсь, тёть Люд, я боюсь так, что не могу дышать по вечерам.Свекровь

молчала долго. Потом:- Езжай к Прасковье Фоминичне. В Кожпосёлок знаешь, где?- Тёть Люд...- Не спорь. Я знаю, что ты городская и не веришь. Прасковья врать не станет. Если не поможет - пойдёшь дальше по врачам, ничего не потеряешь. Одно скажу: не говори ему в дороге, куда едете. Спросит - скажи: к старой знакомой.- Почему?- Потому что иное дети сами знают лучше нас. Настроишь заранее - не откроется. А без него вся работа вхолостую.Ольга хотела спросить, что за работа. Не спросила. Она уже две недели боялась называть вещи своими именами: назовёшь - станешь той, кто верит в такое.Прасковья Фоминична жила в трёх часах от города, в бревенчатом доме у кромки леса. Ольга ехала на такси, Гриша спал на её коленях, и за все три часа им не встретилось ни одной машины. Только лес, столбы и рябина вдоль обочины - уже без ягод, птицы обобрали.Последний поворот Ольга узнала по воде. За мостком через речку вода была того цвета, какого вода не бывает: не синяя, не серая - стеклянная, будто в неё смотрели и оставили взгляд. А за поворотом начинался Кожпосёлок: полторы улицы, колодец посередине и запах дыма над всем сразу - не печного даже, а вечного, въевшегося в брёвна. Ветер тут не шумел в кронах - он гудел в проводах и умолкал, будто прислушивался, и от этой тишины у Ольги звенело в ушах.Открыла женщина в свитере с оленями. Маленькая, сухая, белая коса вокруг головы, лицо тёмное от ветров, морщины рабочие - у глаз, у рта, поперёк лба. От неё пахло не духами - корой, ватой и печным

теплом. Чайник электрический. На стене фотография внука в наушниках, подпись: «Костя, Сан-Франциско».Человек, к которому она ехала три часа сквозь осенний лес, растит программиста в Америке, - и это сбило всю готовность Ольги к ритуалам.Прасковья Фоминична присела перед Гришей на корточки, чтобы глаза оказались вровень:- Здравствуй. Меня звать Прасковья Фоминична. А тебя как зовут - я знаю. Но не скажу. Сам скажешь, когда захочешь.Гриша посмотрел на неё снизу вверх. И ответил:- Гриша.- Вот и хорошо. - Она выпрямилась, крякнула, взялась за поясницу. - Разденьте дите до рубахи, вечером мы в баню. А ты, - кивнула Ольге, - в баню не пойдёшь. Посидишь в доме. Дверь в баню не запирать.- А...- Не спрашивай пока. Спросишь вечером, что останется. Сначала увидишь, потом спросишь.Баня стояла на отшибе, чёрная от старости, но ухоженная: брёвна потемнели до цвета кованого железа, крыша - новая, жёлтая.Ольга сидела в доме и смотрела в окно. Прасковья увела Гришу за руку - мальчик шёл сам, охотно, как идут к тому, кого давно ждали, - и до сумерек Ольга их не видела.Видела только дым. Он поднимался плотной колонной, а наверху будто спотыкался и ложился вдоль крыши. Ольга вспомнила, как в детстве бабушка говорила: «Пойдёшь париться - не реви. Пар слышит».Из бани тянуло полынью. Потом чем-то хвойным. Потом просто паром, чистым, с дровяной теплотой.В сумерках дверь открылась и вышел Гриша. Один. Развёл руками - жест взрослого человека, который понял что-то и ре-

шил не говорить, - и пошёл к дому.Следом вышла Прасковья Фоминична с веником. Не бросила его на полку. Подошла к старой куче за баней и повесила веник на сук рябины.Потом заметила Ольгу в окне. Постояла. Пошла в дом.- Чай ставь. Он уснёт сегодня рано. У тебя час есть. Спрашивай.- Что было в бане? - спросила Ольга, когда чайник закипел, а Гриша, уложенный на широком топчане под окном, провалился в сон.- Работа была. Травы. Полынь на полок, чабрец на камни, хвоя в чугун. Так парили, когда в человеке чужое сидит. Полынь изнутри выгоняет. Чабрец наверх поднимает. Хвоя закрепляет, чтобы не вернулось. Веником я его не била. Веником бьют, когда чистят. Его я не чистила. Его я парила.- В чём разница?- Чистишь - когда чужое. Паришь - когда своё, да застрявшее. - Она отхлебнула чаю. - У него своё. Твоё, то есть. Взрослое. Дитё донашивает.- Вы уверены?- В стакане проверим. Не уверена я. Яйцо уверенно.- Что значит - своё, но застрявшее?- А то и значит. У тебя, милая, в доме есть слово, которое ты сказала и не сказала. - Она посмотрела на Ольгу спокойно, как погоду сообщают. - Четыре страницы. В ящике лежат. Так?Ольга не ответила. Внутри неё остановилась машина, которая двадцать лет работала без перерыва.- Откуда вы...- Пар сказал. Пар не врёт. Дите в себе носит твоё несказанное, оно через него и проступило. Так что пойдём к яйцу. Оно всё расскажет, а я тебе переведу.Свет в избе горел во всех комнатах, днём и ночью - Прасковья велела ещё вечером: «У него внутри темно, а в темноте что попало жи-

вёт».Яйцо она достала из холодильника - обычное, коричневое, из пакета. Ольга ждала яйца тёплого, из-под кур, с настоящей скорлупой. А это было из «Пятёрочки».- Городское, - согласилась Прасковья, будто услышала. - Яйцу всё равно, откуда. Оно не верит. Оно показывает.Она катала яйцо по животу спящего Гриши, по груди, по макушке - медленно, кругами, без единого слова заговора. Говорила мальчику тихо, обычные вещи:- Спи, спи. Я тут. Ворона за окном, слышишь, по снегу идёт? Под ногой снег - скрип, а под лапой её - хруст. Отличишь, когда вырастешь.Потом разбила яйцо в стакан с водой. Вода была колодезная, в железном бидоне, и женщина переливала её бережно, как переливают что-то живое.Белок поднялся нитями - тонкими, белыми, как паутинка после дождя. Три нити. У средней на конце висел пузырёк, маленький, круглый, будто на нити что-то держалось.- Смотри. Только не бойся. Боятся - себе хуже. Бой - это тоже сигнал, твоему малцу передастся.Ольга не испугалась. Она застыла.- Не дитёво, - сказала Прасковья. - Взрослая штука. Взрослые бывают трёх сортов: соседкин сглаз, родовой должок и своё слово, которое сказала и не удержала. У твоего малца третье. Вторые два лечатся у меня. Третье - только у тебя.Она подняла стакан к лампе, посмотрела на пузырёк и сказала тихо, почти с жалостью:- Ты сильная держишь, Оля. Восемь лет держишь. Это не упрёк. Это диагноз. И я его лечить не могу.- Что делать?- Дописать. Не мне - ей. На могилу. Прочесть вслух, до последней точки. Потом сжечь на земле,

не в урну. Пепел не сметать. И не торопись, когда читать будешь. Мёртвые торопиться не любят. Они и так ждали.В ту ночь Ольга не спала.Спала Прасковья, спал Гриша, спал лес. А Ольга сидела при лампе и смотрела на сына.Мать пила. Не «немного выпивала» - пила, как работают: с утра, всерьёз, с отдачей. Ольга в двенадцать лет училась по звону ключей понимать, каким будет вечер. Ключи упали - мать уснёт в прихожей, вечер тихий. Ключи упали, а мать не упала - вечер скандал, уходи к подружке.Один раз мать ударила её. Со всей руки, по лицу, за то, что шестнадцатилетняя Ольга сказала: «Ты не мать. Ты женщина, которая меня родила». Слова были взрослые, точные, убийственные. Рука была пьяная, но точная тоже.Лицо горело. Соседи не вышли.А потом Ольга выросла, уехала, построила жизнь с фундаментом и ипотекой. И однажды в феврале мать позвонила - трезвая, редкий случай - и сказала: «Оля. Я написать хочу тебе. Приезжай, я тебе на бумаге напишу. Говорить тяжело, а писать я умею. У меня почерк красивый был, помнишь?» - и засмеялась, и смех сорвался в кашель.- Некогда сейчас, мам. Летом.Мать умерла в апреле. Тихо, в одиночку. Соседка нашла через три дня.Тогда Ольга написала письмо сама. Четыре страницы, со злостью и кровью. Про то, как мать пила. Как била. Как Оля в шестнадцать клялась, что не простит никогда, ни за что. Написала, чтобы сжечь на могиле, - так ей подсказал кто-то в интернете, «незавершённый гештальт», - но не поехала. Стало страшно: сожжёшь письмо - и никакой её больше

нет, даже злой. Пустота.Она оставила письмо в ящике стола. Внизу, под распечатками договоров.А теперь сидела в чужой избе над спящим ребёнком и понимала: тишина не была тишиной. Недосказанное не лежало мёртвым грузом. Оно жило в её доме. И жило в её сыне - тем, кто меньше всех виноват.На кладбище она поехала в пятницу, одна. Гришу оставила у Прасковьи - та сказала: «Дите у меня картошку перебирать будет. Он переберёт, и расспросит, а я ему расскажу про снег, который под лапой хрустит».Кладбище было старое, берёзовое. Минус семь, ветер восточный. Ограду Ольга узнала - мать, живая, до болезни красила её в голубой.Письмо было с ней. Четыре страницы, сложенные вчетверо, потрёпанные.Она встала перед камнем - и поняла, что голоса нет. Горло сжалось до соломинки.И тогда она вспомнила, как Прасковья говорила с мальчиком в бане. Не «читай». Не «покайся». Просто говорила с ним, как с живым, про ворону и снег.И Ольга начала говорить. Не читать - говорить.- Мам. Это я. Я пришла. Я тебе не читала восемь лет, потому что думала, тишина - это покой. А это не покой. Это я тебя всё ещё не отпустила.Она читала письмо. На второй странице голос сорвался. На третьей заплакала - некрасиво, комками, на морозе, когда нечем дышать и слёзы стынут на подбородке.- Я не простила тебя, мам. Я и сейчас не простила. Но я больше не против, что я твоя дочь. Это разные вещи, а я их восемь лет в одну верёвку вязала.На четвёртой странице она оторвалась от текста:- У меня сын. Он во втором классе. Он

температурит по вечерам и шепчет в угол. Я не знала, кто ему это принёс. Теперь знаю. От меня. Прости меня за то, что к тебе вместо меня он ходит.Она сожгла письмо на земле. Пепел лёг ровно, без порывов. Она не смела его. Постояла и добавила, уже тихо, без бумажки:- Ты была не женщина, которая меня родила. Ты была моя мать, у которой не получилось. Это тоже мать. Я узнала это слишком поздно и говорю слишком поздно. Но теперь я знаю.Ветер дёрнул берёзу. На землю упало несколько сухих листьев - ноябрь, а они всё ещё держались.Ольга не поверила в знак. Она вообще ни во что не верила. Просто стояла и смотрела, как они падают. И ей было хорошо - впервые за восемь лет на этом кладбище.В четверг они снова пришли к Прасковье Фоминичне.Бабка катала яйцо медленнее, чем в первый раз, - и всю работу делала молча. Гриша лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. Потом она разбила яйцо в стакан.Белок стоял куполом. Ровный, круглый. Ни одной нити. Ни пузыря.Прасковья посмотрела на стакан. Потом на Ольгу. И сказала:- Дошла.Ольга не выдержала:- А если бы я не поехала? Сказала бы - чушь это всё, я в такое не верю?- Тогда бы я тебе сказала то же, что сейчас скажу. - Женщина подняла светлые глаза. - Мне всё равно, во что ты веришь. Яйцу тоже. Пару тоже. Верят только люди. А вода, пар, яйцо - они не верят и не не верят. Они показывают. У нас на Севере говорят: вера не в слове, вера в ходьбе. Пошла - значит, поверила.Ольга потом много раз думала: совпадение? Психосоматика? Физика

белка - нити, пузырь?Не знает. И уже не хочет знать.Знает только, что дома, в нижнем ящике стола, под распечатками договоров, теперь лежит чистый лист. Сложенный вчетверо. На случай, если опять понадобится сказать.А Прасковье Фоминичне они возят каждое Рождество мешок мандаринов и банки с вареньем. Бабка варенье принимает, мандарины отдаёт обратно Грише, а Гришу каждый раз спрашивает одно и то же:- Ну что, под лапой хрустит или под ногой скрипит?И мальчик, повзрослевший на год, отвечает серьёзно, как на самом важном экзамене:- Хрустит. Я отличил.- Вот и молодец, - говорит Прасковья Фоминична. - Отличать сумеешь - значит, вырастешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.